

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

УДК 330.1

С. Ю. Румянцева

ТЕОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И ИНДИКАТОРЫ РАЗВИТИЯ РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ И МОНЕТАРНЫЙ АСПЕКТЫ

В период глобального кризиса вопросы о том, что представляет собой явление экономического роста, насколько распространенные подходы к моделированию роста отражают действительный механизм его формирования, каково соотношение между явлениями экономического роста и спада, роста и цикла, приобретают не только теоретическое, но и практическое значение.

Циклическая картина эволюции экономики в определенной степени противостоит теории экономического роста. Однако неустойчивость экономики в последнее десятилетие XX и в начале XXI в., высокие риски, сопровождавшие процесс экономического развития в этот период, оказались теми условиями, которые заставили целый ряд ученых — как сторонников теории цикла, так и приверженцев теории роста — обратиться к вопросу об использовании аппарата теории циклов для анализа механизма экономического роста.

Наиболее точно содержание указанного процесса можно сформулировать, обратив внимание на два обстоятельства: а) на возможность использования нелинейных функций для моделирования экономического роста, в частности логистических функций жизненных циклов; б) на возможность использования теорий экономического роста, в которых факторы и обстоятельства, традиционно принимаемые как внешние, рассматриваются в качестве внутренних, эндогенных механизмов роста.

Понимание экономического роста как процесса, в эволюции которого возможно движение вспять, при особом внимании к факторам развития, которые традиционно рассматривались как «дополнительные», способно рационализировать подходы к анализу явлений спада в экономике, выявить закономерные черты экономических кризисов, определить в этом смысле диагноз, свободный от сиюминутных оценок.

Светлана Юрьевна РУМЯНЦЕВА — канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории Экономического факультета СПбГУ. Член Философско-экономического ученого собрания Лаборатории философии хозяйства МГУ. Лауреат премии за научные исследования академика Федоренко (1998); Лауреат медали Н. Д. Кондратьева в номинации «Конкурс молодых ученых» (2004); Лауреат I премии СПбГУ за научные труды (2005). Сфера научных интересов — теория долгосрочного экономического развития, длинных волн, экономической конъюнктуры, экономического роста. Автор более 60 научных публикаций.

© С. Ю. Румянцева, 2011

Отметим, что сегодня в научном мире весьма часто возникает искушение говорить о кризисе теории роста. Похожая ситуация была характерна для 50–60-х годов XX в. в отношении теории цикла, когда в научных кругах доминировало желание считать проблему экономического цикла решенной, а исследования в соответствующей области на долгое время стали считаться второстепенными по отношению к более перспективной теории экономического роста.

Между тем история развития теории циклов и теории экономического роста показывает их тесное переплетение на концептуальном и методологическом уровнях, не позволяющее говорить об антагонизме указанных теорий. Развивая данную тему, мы не преследуем цель «сгладить все острые углы» и показать отсутствие методологических проблем в данной области — их достаточно. Тем не менее, на наш взгляд, не возникает пока и оснований для смены парадигмы, для замены теории роста принципиально иными, циклическими концепциями экономического развития: скорее всего, имеет место эволюционный процесс преемственности теорий роста и цикла.

Доминирующее понимание теории роста, имеющее место сегодня, связано с идеями синтеза неоклассического и кейнсианского подходов к анализу агрегированных макроэкономических функций. Между тем, если обратиться к работам Дж. М. Кейнса, Э. Хансена и др. [1; 2], можно увидеть, что в основе современной теории роста продолжает лежать идея мультипликатора, являющаяся частным случаем понятия обратных связей. Мультипликатор может действовать как в направлении роста (прогресса), так и в направлении спада (регресса). Проблемой для оценки нестабильных состояний экономики в периоды замедления или сокращения экономического роста является то, что современная теория экономического роста потеряла линию исследования нисходящей силы действия мультипликаторов.

Учитывая преемственность теорий экономического роста и циклического развития экономики и предполагая на этом основании отсутствие необходимости коренной смены научной парадигмы, следует отметить тенденции совместной эволюции теорий экономического роста и цикла. Одна из них связана с постепенным усложнением теорий роста путем учета нелинейности, цикличности движения экономики. При разработке теории в этом направлении механизмы отрицательных обратных связей (спад экономики) займут свое законное место в теории экономического развития.

Конкретно-историческое объяснение экономических кризисов необходимо, так же как и поиск путей выхода из депрессии. Однако следует углубить и понимание механизма развития депрессии — для разработки инструментов ее преодоления, соответствующих принципу оптимизации затрат — результатов и экономии ресурсов. Не менее (а может быть, и более) важной практической задачей является и выявление мер государственного регулирования, которые можно было бы противопоставить стихии рынка в условиях чрезмерного, виртуализированного экономического роста. Для этого необходимо как минимум определить критерии оптимального уровня подъема экономики и структурные характеристики экономики здорового роста.

Возвращаясь к теме преемственности теорий роста и цикла, отметим, что тенденцией коэволюции этих теорий является все большее внимание к факторам мезо- и микроуровней, влияющим на характеристики макроэкономических трендов. Объяснение механизма роста экономики, следующей восходящему тренду, вполне возможно путем нахождения регрессионных зависимостей между двумя-тремя переменными. Однако если стоит задача объяснить перелом тенденции экономики от спада к росту и, тем более, обосновать макроэкономический инструментарий такого перехода, то теория, как правило, сталкивается с синдромом «недостающих деталей». Конечно, следует вспомнить

концепцию инноваций Й. Шумпетера [3] и теорию Г. Менша о депрессии как стимуле для внедрения инноваций в экономику [4]. Однако теория Г. Менша встречает слишком большое количество статистических опровержений [5–8], и вопрос к Й. Шумпетеру, почему это вдруг инновации целыми пучками начинают внедряться в условиях депрессивной экономики, когда и обычный бизнес терпит фиаско, остается открытым¹. И в этих условиях ответ на данный вопрос может быть найден при предположении о существовании множественных обратных связей между факторами экономического развития, при выявлении ключевых факторов, запускающих и поддерживающих структурно здоровый экономический рост.

В указанном контексте в настоящей статье анализируются особенности методологии современной теории экономического роста при предположении возможности ее применения для понимания процессов, происходящих в современной глобальной экономике и экономике России. Рассматриваются институциональный и монетарный аспекты современной теории экономического роста, с тем чтобы в дальнейших исследованиях можно было проанализировать тенденции коэволюции технико-технологического аспекта теории экономической динамики и источников циклических процессов на уровне фирм и отраслей.

Эволюция теорий роста и эндогенизация остатка Солоу

Исторический аспект развития теории роста мы здесь не рассматриваем. Генетические линии развития, оценка влияния на ее зарождение теории экономических циклов и конъюнктуры, в том числе школы NBER (National Bureau of Economic Research — Национальное бюро экономических исследований США) под руководством У.К. Митчелла, а также роль ранних эмпирико-статистических теорий роста С. Кузнеца, У. Ростоу и методологии В. Леонтьева были прослежены в более ранних публикациях [10–12].

Среди предтеч современных теорий роста исторически первой была кейнсианская модель Харрода — Домара, основное положение которой касается влияния чистых инвестиций на экономический рост и которой свойственна краткосрочная цикличность [2] как наследие методологии NBER и теории Дж. М. Кейнса. Причиной этой цикличности оказывалась жестко заданная производственная функция, предусматривающая постоянное соотношение между трудом и капиталом, не зависящее от качества самих труда и капитала, за что данная модель критиковалась Р. Солоу — основоположником неоклассической модели. В этом смысле неоклассическая теория роста предстает как развитие кейнсианской.

Развитие некейнсианских теорий роста происходило на основе расширения объекта анализа путем рассмотрения процесса экономического роста в открытой экономике (Дж. Мид). С одной стороны, в некейнсианской концепции Мида учитывается роль мировой торговли, колебаний мировых цен и эффективного распределения ресурсов в мировой экономике, что отчасти сближает эту концепцию с поздней неоклассикой [13]. С другой стороны, кейнсианцы стремились ответить и на вопрос о причинах неравномерности роста, что вылилось в формулировку теории эндогенного делового цикла Н. Кальдором, инициируемого колебаниями уровня трудо- и капиталовооруженности вокруг эндогенной нормы сбережений [14]. Впоследствии именно проблема эндогенных механизмов роста волновала как некейнсианцев, так и посткейнсианцев, включивших

¹Подробнее см.: [9].

в анализ эндогенных механизмов роста и цикла монетарные факторы. Посткейнсианские эндогенные теории роста, в частности теория Х. Мински [15], в значительной мере являются синтезом кейнсианской парадигмы, неорикардианской и марксистской школ экономического роста, монетарных теорий и теории Дж. Тобина, на которую, в свою очередь, оказала влияние как неоклассическая, так и кейнсианская ветви теории роста.

Хрестоматийное противопоставление некейнсианских, неоклассических и монетарных теорий экономического роста в настоящее время фактически потеряло свою актуальность. Теорией экономического роста сегодня решаются два ключевых вопроса: об эндогенных механизмах роста, формирующихся в ходе его циклических колебаний, и о снятии ключевых ограничений ранних моделей роста. Снятие ограничений касается роли международной конкуренции и распределения ресурсов в глобальной экономике, учета институциональных факторов, преодоления представления о «нейтральности» значимых экономических переменных роста, заложенного в основу его ранних концепций. Возможно, единственным существенным отличием кейнсианских и неоклассических теорий роста с позиций сегодняшнего дня можно считать их исходные парадигмальные основания, связанные с различным представлением о роли государства в экономике.

Задачей первых был поиск траектории макроэкономической стабильности на основе анализа технических характеристик системы, соотношения функционально возможного (гарантированного) и реально достигнутого уровней развития. Очевидно, что при таком представлении модели экономики проще осуществлять мониторинг ее состояния для целей регулирования. Неоклассиков же в большей степени интересовали поведенческие возможности системы, ее способность к эффективному распределению ресурсов на основе действия сил рыночной самоорганизации. В неоклассических моделях источником роста выступает эффективное распределение ресурсов, они допускают значительную гибкость (переменность) факторов роста, что и послужило основой их особенно быстрой эволюции. В ходе этой эволюции отмечается и тенденция к синтезу некейнсианского и неоклассического подходов на уровне выделения новых эндогенных переменных функции экономического роста, позволяющих снять ограничения для решения практических задач.

В этом плане огромный интерес представляет исходная неоклассическая модель, а точнее раскрытие содержания «необъясненного остатка Солоу». Следует отметить, что «остаток Солоу» в исходной модели не является фактором производства, его рассмотрение лишь позволило учесть качественные изменения капитала и труда в процессе экономического роста. Но в действительности именно в структуре «остатка» содержатся факторы экономического роста, механизм действия которых экономической науке еще предстоит объяснить. Поэтому модель Солоу и дала простор для дальнейших исследований роли научно-технического прогресса в моделях с эндогенным НТП, роли человеческого капитала в экономическом росте и для учета иных внутренних причин изменения итогового уровня выпуска.

Экономической наукой проведены уже сотни экспериментальных верификаций известных моделей роста, в результате которых доказывалась «неоперациональность» одной версии и взамен предлагалась другая, более реалистичная. На наш взгляд, теориям роста можно найти гораздо более полезное применение, чем доказательство или опровержение теоретических конструкций. Фактически среди теорий роста можно выделить такие, которые по характеру своих исходных допущений совместимы с проблемами исследуемого реального экономического объекта (например, экономики России).

Применение разных диагностических приемов (т. е. разных моделей) к одному и тому же объекту помогает определить ключевые дисбалансы в его экономике и рассмотреть их под разными углами зрения. Но для проведения подобной процедуры необходим как анализ ключевых современных теорий роста, так и исходная статистическая диагностика состояния экономической системы.

Модификации теории экономического роста различны. Большую группу концепций составляют теории «порочных кругов»², основной идеей которых является демонстрация возможности разнонаправленного действия мультипликаторов. Иначе говоря, результатом взаимного влияния экономических условий и факторов роста могут быть не только экономический рост, но и «ловушка», т. е. возвращение системы при любых изначальных усилиях в состояние нижнего равновесия — устойчивого состояния экономической системы на дне депрессии, характеризующегося низким уровнем капитала, доходов, занятости, инвестиций и т. п. Здесь с учетом институциональных ограничений и разного стартового уровня экономики анализируются причины «несрабатывания» основных положений теории экономического роста. Активное внимание институционального направления теории развития к проблемам развивающихся стран, таким как коррупция, высокая роль нелегального и теневого секторов экономики также значимы для исследования реальных экономических систем, в том числе России.

Учет подобных концепций при выработке подходов к укреплению отечественной экономики необходим, особенно при исследовании многоукладности и дисбалансов в ее структуре. Так, например, вся история становления отечественной экономики может быть описана в терминах теории модернизации, при усилении тенденций разрыва в экономическом развитии между индустриальным и аграрным секторами, уровнями жизни в городе и деревне, уровнями регионального развития.

И в таких условиях ключевыми индикаторами роста могут оказаться вовсе не показатель ВВП, а, например, индикаторы благосостояния и степени социального расслоения населения, такие как коэффициент Джини и фондов, а также показатели инвестиций и доходов по отраслям, т. е. мезоэкономического уровня. Можно пока остановиться на предположении, что для такой страны, как Россия, с высоким уровнем коррупции и глубокими дисбалансами в развитии отраслей и регионов, ключевыми индикаторами развития могут стать коэффициенты Джини, а также показатели отраслевых и региональных разрывов в уровне развития. Отметим, что величина отраслевого, регионального разрыва, разрыва в уровне доходов либо технологического разрыва может трактоваться не только и не столько как факт отставания страны, сколько как величина ее потенциальных возможностей, т. е. она может выступать и как оценка будущего возможного роста³.

Модели для развивающихся стран учитывают неразвитость института собственности, нерыночных принципов распределения ресурсов и высокую долю традиционно-

²Например, «порочный круг нищеты» Х. Лейбенштейна, «круг отсталости» Б. Кналла, неоклассическая теория дуалистической экономики У. А. Льюиса и другие концепции, подробно рассмотренные Р. М. Нуреевым [16].

³Возможность данного утверждения возникает из согласия с оценками состояния российской экономики, высказанными С. Ю. Глазьевым и В. И. Кушлиным. В частности, величину технологических и социально-демографических разрывов в структуре российской экономики показал С. Ю. Глазьев [17]. А содержание разрывов в региональном развитии страны детально проанализировано В. И. Кушлиным [18]. Хотелось бы усилить звучание их идей утверждением о том, что оценка величины указанных разрывов сама по себе может являться измерителем экономического роста, а также показывать вершину, на которую может взойти экономика при разумном управлении. На существование разрывов в уровне и образе жизни разных слоев общества в России и развивающихся странах указывает и В. Т. Рязанов [19].

го сектора экономики. Одними из ключевых особенностей стран третьего мира, для которых формулируются теории развития, являются недостаток капитала и избыток трудовых ресурсов, зачастую их низкая квалификация. Модель развития российской экономики тем не менее не совпадает ни с вариантами для развитых или развивающихся стран, ни со случаями быстрого подъема на основе импортозамещения в новых индустриальных странах. Для каждой страны характерно свое специфическое сочетание факторов и ограничений развития. В России многоукладность экономики [20], особенности дифференциации доходов по регионам и группам населения, ряд институциональных факторов, препятствующих мобильности ресурсов, ведут к неэффективной работе рынков факторов производства, и в этом ее отличие от развитого мира.

В то же время экономика России обладает высоким запасом человеческого и природного капиталов, не отягощена избыточными неквалифицированными трудовыми ресурсами и до сих пор имеет запас капитала, превращение которого в эффективные инвестиции затрудняется институциональными проблемами.

Однако за академическими понятиями «институциональные проблемы», «ловушки» и даже за явлением многоукладности современного российского хозяйства стоят всего две очевидные, но фатальные проблемы. Это «нефтяная игла» и коррупция. Поэтому никаких готовых или модифицированных моделей эффективного экономического роста для отечественной экономики не существует. Теорию роста для России надо разрабатывать. Подготовкой базы для разработки этой теории исследователи занимаются с учетом накопленного мирового опыта в теории роста, теории циклов, с привлечением достижений институциональной теории, теории переходной экономики и исследования особенностей экономического строя России.

Учет экономических циклов и кризисные процессы в России

Следует заметить, что, в отличие от западных стран, где виртуализация экономического роста и возникновение финансового кризиса произошли в связи с эволюцией финансового законодательства и чрезмерного стимулирования кредитной активности экономики, кризисные процессы в России обычно оказываются связанными с бегством капитала из страны при первых приближающихся признаках экономического неблагополучия. Это тоже своеобразная ловушка, и она определяется, прежде всего, тем, что в стране не сложился полноценный сектор обрабатывающей и высокотехнологичной промышленности. Иначе говоря, процесс инвестирования капитала для бизнеса связан с запредельным уровнем риска внутри страны. Всё высокотехнологичное производство на сегодня тем или иным образом связано с российским сектором государственного капитализма, частный бизнес ищет объекты для вложения средств в высокие технологии в других странах. На наш взгляд, именно поэтому в России экономический рост зависит от мирового рынка, а в национальной экономике не представлены эндогенно возникающие длинные Кондратьевские волны, внутренними факторами поддерживается только цикл Кузнеця. А ведь полноценный экономический рост возникает только на основе инновационных инвестиций, источники и сфера приложения которых находятся внутри страны, обеспечиваются частными инвестициями. Пока страна зависит от импорта технологий, полноценный устойчивый рост невозможен и велик риск финансовой нестабильности в национальном масштабе.

Отметим, что в 2000–2007 гг. в России наблюдался инвестиционный бум в инфраструктурных секторах (сети передачи информации, дорожное строительство) и в отрасли строительства. Этот процесс сопровождался нарастанием финансовой хрупкости, разрывом движения реальных и виртуальных финансовых потоков. В принципе

это закономерная ситуация для фазы перехода от нисходящей длинной волны к восходящей. Экономика России вовлечена в мировой экономический процесс из-за своей подверженности внешним колебаниям конъюнктуры, порождаемым в развитых странах. Длинные, 60-летние волны экономической конъюнктуры являются для нее внешним фактором.

Существуют основания полагать, что длинные волны экономического развития, вызываемые переплетением инновационного, финансово-кредитного, энергоресурсного и информационного факторов развития, связаны с 30-летними циклами экономического роста неоднозначно [21]. Циклы экономического роста не просто включаются в длинную волну по принципу матрешки, они закономерно опережают и запаздывают по отношению к длинной волне.

На наш взгляд, именно в характере взаимодействия между 60- и 30-летним циклами экономической конъюнктуры можно найти теоретические причины перелома тенденции от спада к подъему экономики в развитых странах и объяснить возникновение бума внедрения прорывных базисных инноваций в период депрессии длинной волны. Так, подъем цикла Кузнецца происходит на несколько лет раньше подъема длинной волны, обеспечивает начало экономического роста за счет инвестиций в инфраструктуру и в развитых странах готовит таким образом почву для массового внедрения радикальных инноваций, сила которых как раз и обеспечивает дальнейший экономический рост вдоль инновационной траектории длинной волны. В это время для секторов инфраструктурного, строительного производства может уже наблюдаться относительный спад. Если же потенциал роста (накопление капитала), созданный в строительном и инфраструктурном секторах, при возникновении кризиса не обнаруживает в собственной национальной экономике готовых объектов для приложения в отраслях обрабатывающей и высокотехнологичной продукции, он закономерно «убегает» за границу при первых признаках неблагополучия в экономике. Это и есть та ловушка, в которую экономика России попадает уже не первый раз. В указанных условиях Российское правительство стремится вновь развивать высокотехнологичный сектор в модели государственного капитализма. Вопрос о связи этого процесса с факторами коррупции, зависимости от экспорта ресурсов и движением финансовых потоков остается актуальным для изучения.

Эндогенные теории роста и монетарные факторы

Сегодня в теориях роста рассматриваются эндогенные механизмы экономического развития, пересматриваются взгляды на характер конкуренции, роль институтов, поведение фирмы, природу инноваций и роль денег в экономике. В рамках указанной исследовательской траектории достижения институциональной экономики, теории прав собственности, теории человеческого капитала и других приводят к трансформации «жесткого ядра» теории экономического роста.

Одним из интересных вариантов развития модели Солоу на основе снятия допущения о нейтральности тех или иных «неучтенных остатков» экономического роста является модель Дж. Тобина. Она основана на учете эндогенного характера денег как актива, равноправного с физическими инвестициями [22]. При таком допущении равновесие сбережений (реальных инвестиций) и портфельных инвестиций определяется периодической сменой соотношения доходности реальных активов и денег. Интересным выводом из этой теории является представление о позитивной роли инфляции: коль скоро инфляция сокращает относительную доходность денег как актива, она ведет к сокращению спроса на деньги в пользу реальных инвестиций, что в результате

роста выпуска должно привести систему к равновесию. Однако в этой модели не учитывается инфляция издержек.

Реалистичность модели Тобина часто ставилась под сомнение, в первую очередь по вопросу о нейтральности денег на долгосрочных временных интервалах. Но она предоставляет полезный инструментарий для анализа спекулятивных взрывов на финансовых рынках, возможность возникновения которых в современном мире не только не исчерпана, но закономерна в циклическом аспекте⁴. Кроме того, она содержит инструмент для оценки инновационного климата экономики.

Критики данной теории приводят ряд аргументов в пользу долгосрочной нейтральности денег высших агрегатов⁵. Однако можно предположить наличие эндогенной роли низколиквидных денег (деривативов) как альтернативного актива и автоматического «резервного фонда» для периодов низкой инновационной активности. При продолжении экономического роста за его естественные пределы избыточные доходы связываются в форме низколиквидных денег. Дальнейший экономический рост виртуализируется: он уже не контактирует с реальным сектором и существует в форме своеобразной галлюцинации доходности, создаваемой из денег, продаваемых и покупаемых на финансовых рынках. При наступлении острой кризисной фазы на денежном рынке происходит «схлопывание финансовых пузырей», в результате чего ресурсы этого «резервного фонда» перераспределяются между участниками денежного рынка и рынка капитала и в конечном итоге становятся источником формирования капитала для периода инновационного бума в реальном секторе экономики.

Заметим, однако, что превращение «финансового пузыря» в ресурс для инновационного развития — это космополитическая теория. Взгляд сквозь призму проблем отдельной страны, например России, сразу приводит к вопросу о том, куда уходят деньги. Ведь «пузырь схлопывается» во всех сегментах глобальной экономики, а инновационное развитие дает старт лишь в некоторых странах.

Теория Тобина как для развития самой теории роста, так и для ее применения в экономике России имеет большое значение, но осуществляется не непосредственно, а через влияние на теорию экономических циклов — и неоклассическую концепцию «реального экономического цикла», и теорию длинных волн в ее монетарном аспекте.

Практически эта значимость определяется двумя ключевыми, если не единственными реальными, проблемами отечественной экономики, уже указанными выше, — коррупцией и зависимостью от экспорта природных ресурсов. Ведь в российском финансовом «виртуальном» секторе экономики вращаются активы ресурсодобывающих компаний. Условия функционирования этих компаний, их близость к олигархическим структурам позволяют им пользоваться административным ресурсом, вовремя выводить денежные ресурсы за рубеж во время кризисов, что позволяет говорить об определенной степени коррупциогенности указанных структур.

В теоретическом плане кроме работ Тобина на развитие монетарной теории роста повлияла публикация в 1977 г. статьи Р. Лукаса [23], актуализировавшего исследования ценовых деловых циклов как циклов отклонений от тренда экономического роста,

⁴С позиций взаимовлияния теорий экономического роста и цикла отметим, что спекулятивные взрывы на рынках денег и капитала («финансовые пузыри» и финансовые пирамиды) подробно исследовались в рамках теории длинных волн, представителями которой показана закономерность их возникновения в окрестности периода депрессии длинной волны. Данная закономерность выявлена последовательно К. Перес-Перес и М. Хироока.

⁵Модель Тобина и критику можно найти на ресурсе: URL: http://economicus.ru/cgi-ise/gallery/frame_rightn.pl?type=in&links=.%2Ffriedman%2Flectures%2Ffriedman_11.txt&img=lectures_small.jpg&name=friedman

а также книга М. Фридмана и А. Шварц [24], в которой показана роль эндогенных денег в циклическом механизме экономики. Для развития монетарной теории длинных волн имеют значение работа У. А. Льюиса о долгосрочных тенденциях изменения цен [25] и указанная книга Фридмана и Шварц. В 1987 г., следуя за Фридманом и Шварц, эндогенную роль М1 в формировании длинной волны проанализировал Йос Дельбеке на данных Бельгии с учетом различной роли денежного мультипликатора и денежной базы, он также показал ключевую роль денежного мультипликатора в формировании длительных колебаний экономики [26]. В 1990 г., независимо от Дельбеке, значение эндогенности денег как фактора экономического роста на основе данных США было показано Ф. Кидландом и Е. Прескоттом [27], в частности при доказательстве того, что денежные агрегаты М1 и М2 играют ведущую роль в формировании делового цикла, притом роль М2 больше, чем М1, а роль разности между М2 и М1 еще больше, чем роль М2. Наши расчеты, произведенные в 1994–1998 гг. на основе модели Дельбеке, показали ключевое значение фракций агрегатов М3 и L в США, а также их аналогов в Великобритании для формирования длинного цикла [28]. Отметим также, что в 2002 г. К. Перес-Перес выявила закономерность возникновения «финансовых пузырей» в национальных экономиках накануне разворачивания длинноволновых депрессий [29], что подтвердилось в ходе реализации мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. Ее работу далее активно развивает М. Хироока [7].

Возвращаясь к исследованию показателей экономического роста, значимых для практики государственного регулирования экономики, мы оказываемся в области поиска ответов на вопросы о том, как работают отечественная экономика и мировая конъюнктура, какие из индикаторов динамики отражают движение реального сектора, какие демонстрируют степень виртуализации и коррупционности. В этой связи можно отметить, что к числу последних следовало бы, наверное, отнести малоучитываемые сегодня низшие денежные агрегаты денежной массы, которые вращаются на финансовых рынках в форме различных деривативов. Разности между ними, например L–М3; М3–М2; М2–М1 и т. п., — это показатели выхода экономики за пределы здорового роста, приблизительная оценка степени виртуализации. Это оценка разрыва между реальной и виртуальной экономикой на сегодняшний день. Но это и оценка разрыва между настоящим и будущим в инновационном развитии с глобальной точки зрения. Для России это оценка той величины нефтяного капитала, который при «схлопывании финансового пузыря» уходит за границу в условиях коррупции. Но это и оценка, а также верхний предел той величины капитала, которая могла бы быть направлена на развитие инноваций при предположении о закрытой экономике и стимулирующей технологической политике. Подчеркнем, что указанный здесь подход к оценке степени виртуализации экономики постулируется нами постановочно, эта проблема требует своей дальнейшей разработки, в частности сравнения с динамикой движения собственно фондового рынка.

Отметим, что в России на протяжении периода экономического роста 2001–2008 гг. качество денежной массы демонстрировало нарастание финансовой хрупкости (специалисты по финансам назвали бы этот процесс развитием финансового рынка). Так, на фоне роста индекса ВВП со 105,1 до 108,1% в указанный период доля М0 в М2 сократилась с 36,3 до 27,9% [29, с. 305, табл. 11.1; с. 589, табл. 22.27]. К сожалению, российская статистика вообще не учитывает показатели низших денежных агрегатов в структуре денежной массы, иначе о величине «пузыря» можно было бы сделать более точные предположения. Косвенно о ней можно судить, рассмотрев также показатель вложений кредитных организаций в ценные бумаги, который вырос за этот период бо-

лее чем в пять раз — с 329,8 млрд рублей в 2001 г. до 1674,7 млрд рублей в 2008 г. [30, с. 598, табл. 22.35]. Заметим, что это значение невелико по сравнению с М2, составившем 13272,1 млрд рублей в 2008 г., хотя и значительно по сравнению с наличной массой М0 (3702,2). На 2008 г. факторы риска от вложений банков в ценные бумаги перекрывались величиной стабилизационного фонда (3849,1 млрд рублей) [30, с. 581, табл. 22.15]. Собственно, на цели защиты банков указанные средства и стали направляться в начале кризисных тенденций в экономике страны. Приведенные данные дают основания полагать, что практика государственного регулирования экономики России основывается на космополитических идеях, исходящих из отсутствия учета потенциала финансовых рынков как источника инновационного развития национальной экономики. Стабилизационными фондами (на сегодня это средства Резервного фонда и Фонда благосостояния) страхуются страновые инфляционные риски. Это более чем спорная политика, которая косвенно стимулирует бегство капитала и создает неблагоприятные условия для развития национальной промышленности.

Возвращаясь к аспектам методологии, отметим, что в целом в глобальном масштабе и в расширительной трактовке представление об эндогенном характере влияния денежной массы на экономический рост дает макроэкономический индикатор емкости финансового рынка как источника ресурсов для экономического роста в циклическом аспекте.

В фазах спадов экономических циклов и длительной, и короткой продолжительности «лишние деньги» как бы прячутся в производных финансовых инструментах. В такие периоды в экономике «надуваются финансовые пузыри». Но там, где представитель теории роста видит еще рост, продолжившийся за свои естественные пределы, циклист видит уже рецессию, т. е. фазу насыщения жизненного цикла доминирующей модели экономического развития. Экономический рост не непрерывен. И кризис — это всего лишь обрыв, за которым следует новый рост, качество которого определяется тем, как именно произошел процесс перераспределения средств, оставшихся после краха финансовой системы.

Отметим, что в указанном пункте как для представителей теории роста, так и для циклистов вопрос о цели практики, т. е. государственного регулирования экономики, остается открытым и болезненным. Надо ли тормозить избыточный взлет экономики? Не лишим ли мы себя источника шокового инновационного обновления? Надо ли бороться с экономическим циклом? Если регулировать, то что: объем денежной массы, уровень цен, или отслеживать направления инвестиционных потоков? Какова роль налогово-бюджетного регулирования в поддержке экономического роста? Это открытые вопросы, и, вероятнее всего, комбинация методов регулирования для каждой страны в каждой фазе уникальна и зависит от экономического строя данной страны.

Напротив, с либеральных позиций процесс формирования низколиквидной денежной массы как денег, способных приносить доход и способных к конвертации в источник реальных инвестиций при изменении соотношения доходности, является автоматическим долгосрочным стабилизатором экономической системы, управляемым рынком. Степень развитости рынка финансовых инструментов в этом смысле оказывается условием зрелости экономической системы.

Фактически для поддержания позитивных тенденций развития экономики можно применять тонкое монетарное регулирование для управления инновационной активностью и экономическим ростом. Такое регулирование должно иметь проциклический характер, а для его осуществления необходимо отслеживать индикаторы накопления денежного капитала и параметры структурной готовности экономики к инновациям.

Иначе говоря, необходим перманентный мониторинг предложения инноваций со стороны промышленного сектора и науки как один из элементов промышленной политики. В условиях финансовых кризисов, запускающих фазу спада экономического цикла, необходимо успевать воспользоваться временным национальным конкурентным преимуществом от кратковременной девальвации с одновременным стимулированием тех компаний и отраслей, которые уже инновационно готовы к новому старту. В этом плане во время кризиса намного полезнее осуществлять вливания не в финансовый сектор непосредственно для спасения финансовых рынков, а в промышленный и социальный секторы при допущении широкого инфляционного коридора. В этом случае рост доходов промышленных предприятий в сочетании с ростом платежеспособного спроса «съест» саму инфляцию и не даст показателям рыночной оценки активов компаний упасть ниже их реальной стоимости. Ведь рынок положительно реагирует на известия о государственной поддержке компаний реального сектора.

Заметим в этой связи, что грубое регулирование процессов формирования и расходования запасов денежного капитала в экономике без учета циклических особенностей формирования эндогенной денежной массы напоминает блуждание впотымах. Так, при сочетании высокой инновационной готовности экономики с опасностью инфляции, принимая во внимание эндогенность денег, можно предположить, что «размораживание» связанных денег при условии предпочтения реальных инвестиций подавляет инфляцию. При низкой готовности экономики к работе с основным капиталом и инновациями в период экономической рецессии, когда налицо тенденции финансовой хрупкости (по Х. Мински), т. е. во время роста «финансового пузыря», подобное размораживание может вызвать гиперинфляционный скачок с эффектом «храповика» из-за наличия инфляции издержек. А при наличии инновационной готовности бизнеса в сочетании с антициклической политикой и борьбой с инфляцией происходит совсем печальная картина «медленной мучительной смерти» отечественной промышленности.

Можно полагать, что по результатам своего мониторинга Правительство России во время кризиса 2008–2009 гг. увидело низкую структурную готовность промышленности к инновациями и... решило избавиться от лишних предприятий, задушив бизнес косвенным удвоением налогообложения, возникшим в результате введения Закона «О саморегулируемых организациях» [31], в соответствии с которым обязательному лицензированию подлежат не только каждый вид деятельности, но и любой отдельный вид производимой продукции, неконкурентоспособностью при высоком курсе рубля. К этому добавляется решение Президента РФ о сокращении числа стратегических госпредприятий с 208 до 41 и ФГУПов с 230 до 159 в 2011 г. [32]. Все это вместе с политикой поддержки оставшихся крупных полугосударственных структур называется политикой инновационного прорыва. Без иронии можно предположить здесь только очередной виток закономерности, выявленной В. Т. Рязановым, цикла реформ и контрреформ в России: страна с размахом входит в эпоху контрреформ, «продавливается» идея инновационного прорыва на базе возрождения госкапитализма и на фоне острого недоверия к частному бизнесу. С сожалением можно отметить, что история повторяется.

В методологическом плане заметим, что углубление теории экономического роста в сторону учета монетарных факторов остро высветило обязательность рассмотрения циклических колебаний экономики и их фаз при принятии практических решений на уровне регулирования. «Финансовый пузырь» начинает «надуваться» задолго до исчерпания структурной модели экономики, и лишь его крах обрушивает всю систему. В этом плане финансовые показатели должны учитываться как лидирующие в работе

с диагностикой фазового состояния экономической системы. Данное положение вполне соответствует эмпирическому результату, полученному еще П. Момбертом для теории колебаний конъюнктуры в 1921 г. Лидирующим показателем смены конъюнктурных периодов является денежный рынок (при том, что рынок капиталов по отношению к нему «запаздывает» [33, с. 171]). Опережающая роль денежного рынка в формировании колебаний экономики означает существование *условия* для того, чтобы инновации *смогли стать* источником экономического роста. И вполне очевидно, что инновации будут совершены и поддержат экономический рост только в том случае, если экономическая система окажется способной «выделить» для инновационного процесса достаточное количество денежных средств. А для этого они должны остаться в системе, а не уплыть за океан. В свою очередь, доступность денег не просто является функцией достигнутого уровня выпуска или национального богатства, а определяется наличием возможности трансформации денежного капитала в реальные инвестиции, что, в свою очередь, зависит от развитости финансового рынка — где этот процесс происходит автоматически — и ряда институциональных факторов, в том числе государственного регулирования.

Таким образом, монетарная теория роста и ее преломление в теории цикла важна постольку, поскольку она может дать объяснение эндогенных причин научно-технического прогресса и в этом смысле быть инкорпорированной в современную версию теории экономического роста с эндогенным НТП. Более того, пример развития этой модели показывает, что на поздних этапах ее теоретической разработки различие между исходными неоклассическими и кейнсианскими предпосылками стирается. Следует заметить, что доступность денег для инноваций может быть как эндогенно, так и экзогенно заданной, и эти два вида денежного предложения надо различать, как различают инновации, инициированные бизнесом, от инноваций, инициированных государственными научными организациями.

В этом плане опасным видятся не только перенос опыта одних стран в экономическую реальность других, но даже и применение уже проверенных мер регулирования повторно в каждой отдельной стране. При переходе от теории экономического роста к практике мы имеем набор определенных методов регулирования, знание эффектов от применения этих методов в других странах, представление о фазовых характеристиках глобальной и национальных экономических систем и фантазию (искусство) лиц, принимающих решения⁶. За учеными в этом случае закрепляется задача фазовой диагностики системы и предложения новых, еще не испробованных методов воздействия политики на экономику.

Мировая экономика сегодня продолжает находиться в кризисном состоянии. Переход к повышательной волне пятого Кондратьевского цикла, совершенный развитыми странами в 1990–2000-е годы XX в., не породил высокого повышательного тренда экономического развития пятой длинной волны, поскольку, в отличие от периода 30–40-х годов XX в., когда осуществлялся переход от третьей волны к четвертой, фаза роста длинной волны оказалась совмещенной с фазами спадов цикла Кузнецца. По этой причине кризис делового цикла 2007–2008 гг. оказался столь разрушительным и принял на себя груз структурных дисбалансов, не разрешенных во время мировой депрессии

⁶При переходе к вопросам практики в теории экономического роста полезно учесть позицию О. И. Ананьина о том, что макроэкономическая теория и экономическая наука в целом при приближении ее результатов к практике становится чем-то вроде искусства (см.: [34]).

1990-х годов, также слабо заметной из-за сочетания с повышательным трендом ритма Кузнеця, пришедшегося на указанный период. Это означает, что развитие мировой экономики в ближайшие десятилетия будет отличаться противоречивостью, фазовой неустойчивостью и неясностью в реализации основных макроэкономических трендов. Будут формироваться условия, препятствующие внедрению прорывных базисных инноваций в мировой экономике, но будут возникать и конкурентные ниши для менее развитых стран, ориентируясь на которые экономика отдельных стран могла бы осуществить рывок в своем экономическом и технологическом развитии, при соответствующих институциональных условиях и мерах государственного регулирования.

Указанные проблемы требуют изучения, однако в настоящей работе мы ставили своей целью показать, что теория экономического роста на сегодняшний день созрела для диалога и соединения с основными постулатами теорий экономического цикла, в том числе длинных циклов Кондратьева, а также с отдельными направлениями институциональной теории экономического развития. Для приспособления экономической науки и вырабатываемых на ее основе рекомендаций сегодня требуется синтетический и дезагрегатный подход, нужна и выработка дополнительных индикаторов экономического роста, кроме показателя ВВП, таких как показатели социального благосостояния, социальной дифференциации, технологические показатели структурной готовности экономики к внедрению инноваций, финансовые показатели, отражающие степень разрыва между реальной и виртуальной частями экономики.

Вероятно, теорию экономического роста в ближайшие годы ожидает серьезное обновление, что требует междисциплинарных усилий. В данной статье мы рассмотрели возможные траектории развития теории экономического роста на стыке с институциональной экономической теорией и монетарными теориями роста и цикла, показали возможные пути к выработке новых индикаторов экономического развития. В дальнейшем необходимо исследовать связь современной теории экономического роста с теорией технико-экономических парадигм и исследованиями порождения трендов экономического роста на уровне фирмы.

Литература

1. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. СПб., 1993.
2. Харрод Р. К теории экономической динамики // Классики кейнсианства / под ред. А. Г. Худокормова: в 2 т. М., 1997. Т. 1.
3. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М., 1982.
4. Mensch G. Stalemate in Technology. New York, 1979.
5. Clark J., Freeman C., Soete L. Long Wave, Invention and Innovations // Futures. 1981. Vol. 13.
6. Freeman C. Prometheus Unbound // Futures. 1984. Vol. 16.
7. Freeman C., Clark J., Soete L. Unemployment and Technical Innovation. A Study of Long Waves and Economic Development. London, 1982.
8. Hirooka M. Innovation Dynamism and Economic Growth. Cornwall, 2006.
9. Румянцева С. Ю. Динамика структуры денежной массы и длинные волны // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5: Экономика. 1998. Вып. 4. С. 40–50.
10. Румянцева С. Ю. Эволюция понятия и методологии анализа экономической конъюнктуры // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5: Экономика. 2005. Вып. 4. С. 22–34.
11. Румянцева С. Ю. Теории конъюнктуры, экономического роста и экономического развития: ракурсы взгляда на анализ экономической динамики и «потерянные ветви» экономической науки // Национальная инновационная система России: проблемы становления и развития: сб. науч. тр. Вып. V / под ред. Р. М. Нижегородцева. М., 2006. С. 74–102.

12. Румянцева С. Ю. Экономический рост и экономический цикл: теория в поисках методологической базы для анализа нестабильной экономики // Проблемы современной экономики. 2009. № 3 (31). С. 62–68.
13. Meade J. A geometry of international Trade. London: Allen and Unwin Reprint. New York: Augustus M. Kelley, 1969.
14. Kaldor N. A Model of Trade Cycle // Economic Journal. Vol. 50. Т. 197 (March). P. 78–92.
15. Minsky H. P. Stabilising an Unstable Economy. New Haven; London, 1986.
16. Нуреев Р. М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики. М., 2008.
17. Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М., 1993.
18. Кушлин В. И. Траектории экономических трансформаций. М., 2004.
19. Рязанов В. Т. Хозяйственный строй России. На пути к другой экономике. СПб., 2009.
20. Рязанов В. Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1998.
21. Румянцева С. Ю. Длинные волны в экономике: многофакторный анализ. СПб., 2003.
22. Tobin J. Money and economic growth // Econometrica. 1965. October. N 4. Vol. 33. P. 671–684.
23. Lucas R. E. Understanding Business cycles // Stabilisation of the domestic and international economy / ed. by A. H. Meltser. Amsterdam, 1977.
24. Friedman M., Schwartz A. J. Monetary Trends in the United States and the United Kingdom. Their Relations to Income, Prices and Interest Rates, 1869–1975. Chicago; London, 1982.
25. Lewis W. A. Rising Prices: 1899–1913 and 1950–1979 // The Scandinavian Journal of Economics. 1980. Vol. 82. N 4.
26. Delbeke J. Long-Term Trends in Belgian Money Supply, 1877–1984 // The Long Wave Debate / ed. by T. Vasko. Berlin, 1987.
27. Prescott E., Kydland F. Business Cycles: Real Facts and Monetary Myth // FRB Minneapolis Quarterly Review, 1990. URL: <http://www.nber.org/> (дата обращения: 1.06.2011).
28. Румянцева С. Ю. Динамика структуры денежной массы и длинные волны // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5: Экономика. 1998. Вып. 4. С. 40–50.
29. Perez C. Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of bubbles and Golden Ages. Cheltenham Elgar, 2002.
30. Российский статистический ежегодник. М., 2009.
31. Федеральный закон № 148-ФЗ «О саморегулируемых организациях» от 1 января 2009 года.
32. О внесении изменений в перечень стратегических предприятий и стратегических акционерных обществ, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 4 августа 2004 года № 1009: Указ Президента РФ от 18.06.2010 № 762.
33. Момберт П. Введение в изучение конъюнктуры и кризисов. М., 1924.
34. Экономика как искусство. Методологические вопросы применения экономической теории в прикладных социально-экономических исследованиях. М., 2008.

Статья поступила в редакцию 31 марта 2011 г.